
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Владимир Зоберн. Небесный полк Победы. М.: АСТ, 2020. — 490 с.

Война глазами верующих. В первой части «Верующие в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» — рассказы очевидцев, ветеранов Великой Отечественной войны, священнослужителей, их потомков, документы из Журнала Московской Патриархии военного времени. Начинается эта часть воспоминаниями митрополита Николая (в миру Борис Ярушевич; 1891—1961). С наступлением немецких войск он, митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины с 15 июля 1941 года, эвакуировался в Москву, успев взять с собой только архиерейский посох. В феврале 1942-го — августе 1943 года управлял Московской епархией во время пребывания Патриаршего местоблюстителя в Ульяновске, занимался издательской деятельностью. В марте 1943 года в составе

Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний совершил поездку по только что освобожденным древним русским городам Калининской и Смоленской областей: Ржеву, Сычевке, Гжатску, Вязьме. В очерке «Разрушение и смерть» он пишет: «Эта поездка была самой тяжелой, какую когда-либо приходилось нам предпринимать: страшные картины увиденного заполняют потрясенную до глубины души. Всюду, где мы проезжали по районам Смоленской и Калининской областей, освобожденным от немецких оккупантов, мы видели такое страшное и бессмысленное разрушение, разрушение с единственной целью — оставить позади себя землю голой: разрушены и сожжены здания и дома, взорваны телеграфные столбы, железнодорожные пути, вековые деревья, росшие в этих местах с незапамятных времен; срублены аллеи, которые местами тянулись вдоль шоссе дорог; уничтожены фруктовые сады и березовые рощи. Всюду смерть и разрушение. Все эти жуткие картины, неизгладимо запечатлеваясь в сердце и памяти, могут будить только одно чувство: священной ненависти к врагу, который в своей душе не имеет ни искры человеческих чувств, который заполнен только сатанинской злобой, толкающей его на разрушение наших культурных ценностей, наших святынь, на мучения и истребление мирных людей. При этих потрясающих душу картинах фашистского изуверства в городах, оскверненных и залитых кровью, взволнованное сердце находило для себя утешение во встречах там же с советскими людьми». Митрополит Николай разоблачает три главных мифа о Церкви в годы войны, а именно: что вклад Церкви в Победу был ничтожно мал; что Сталин тайно поддерживал Церковь и не дал ей погибнуть; что Церковь поддержала советскую власть из страха. Обозначает христианские параллели Великой Победы, например, то, что тяжелейшие бои за Берлин пришлось на окончание Великого поста, а День Победы праздновался 9 мая в Светлую среду, в день памяти Всех святых, на Синайской горе подвизавшихся. Среди авторов представленных текстов много протоиереев православной церкви. Священники и архиереи, помнившие войну, рассказывают о чудесах того времени, о том, что ободряло их и их паству. Включены в книгу и воспоминания генерал-полковника Сергея Стычинского (1924—2019), участника Курской битвы и Корсунь-Шевченковской операции, освободительных боев за Украину, Польшу и Чехословакию, за Берлин и Прагу, участника Парада Победы 24 июня 1945 года; и воспоминания Героя Советского Союза Алексея Петрова, молодого парня из псковской деревни Филатова Гора, отличившегося при проведении Выборгской операции на Карельском перешейке летом 1944 года. Завершают первую часть живые личные воспоминания искусствоведа Нины Будановой: Первая мировая, Гражданская — остались в памяти по рассказам родителей, репрессии 30-х, Великая Отечественная война, послевоенная жизнь — это уже свое, пережитое, затронувшее близких, коснувшееся собственной судьбы... В годы Великой Отечественной войны Н. Буданова была секретарем военного трибунала дивизии на Западном фронте. Во вторую часть книги, «Верующие в войнах за Россию», вошли материалы, посвященные Смутному времени, русско-турецким войнам XVIII века, 1812 году. Яркое свидетельство о Русско-японской войне 1904—1905 годов оставил архимандрит Сергей (в миру Митрофан Сребрянский; 1870—1948). Полковой священник 51-го драгунского Черниговского полка, вместе с паствой он выступил в 1904 году в поход на Дальний Восток, где был рядом с умирающими, со страдающими от ран, с теми, кому предстояло идти в свой первый бой. Вел дневник. В его записях — боль и страх, которые он переживал вместе с русскими воинами, и одновременно — вера. Вместе с полком участвовал в сражениях. Под огнем неприятеля совершал богослужения, напутствовал раненых и погребал убитых. Во время Великой Отечественной войны жил в селе Владычня Тверской области, где располагалась советская воинская часть и предполагался большой бой. Поч-

ти каждый день над расположением воинской части летали немецкие самолеты, но ни разу ни одна бомба не упала ни на храм, ни на село. Местные жители, очевидцы этих событий, приписывают чудесное избавление села от смертельной опасности молитвам отца Сергия. В августе 2000 года отец Сергей был прославлен в лике святых РПЦ. Завершают книгу воспоминания митрополита Вениамина (в миру Иван Федченков; 1880–1961). В годы Гражданской войны, неся церковную службу в Таврической епархии, присоединился к Белому движению, был приближен к Врангелю. Эмигрировал. После нападения Германии на Советский Союз выступал с призывами к русской эмиграции забыть разногласия и оказывать помощь СССР. После войны вернулся в СССР. Закончилась его жизнь во Псково-Печерском монастыре. В своих воспоминаниях священник Дмитрий Свердлов пишет: «Мифы стирают историческую память, люди перестают знать и понимать войну. Это открывает возможность для повторения старых ошибок, которые могут вновь привести к печальным сценариям». Книга «Небесный полк Победы» — надежное хранилище исторической памяти, открытое людям. Авторы этой книги дают и убедительную отповедь тем, кто стремится уравнять СССР и фашистскую Германию, умалить значение Великой Отечественной войны. «Давайте разберемся, что такое была бы „Вторая мировая война“ без нашей Отечественной. А была бы она, я думаю, очень недолгой и позорной по своим последствиям и уж точно не „мировой“. Потому что Гитлер быстро оккупировал бы всю Европу вместе с „непобедимой“ Англией, а Америка... Америка начала бы улыбочиво торговаться с Третьим рейхом, присматриваясь, в чем поиметь выгоду. Как говорится, ничего личного, чистый бизнес... Да, в общем-то, и ладно, пусть бы так и было, если уж сама Европа того захотела. Но случилось иначе, а именно: фашистская Германия напала на СССР. И вот тогда началась Великая Отечественная война» — митрополит Николай (Ярушевич).

Николай Каретников. Темы с вариациями. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. — 176 с.

Воспоминания одного из самых ярких представителей отечественного послевоенного авангарда и одновременно самобытного продолжателя традиции православной духовной музыки — композитора Николая Николаевича Каретникова (1930–1994). При жизни Каретникова его модернистские сочинения подверглись жесткой критике со стороны Союза композиторов и исполнялись крайне редко. Как кино- и театральные композитор он был востребован. Каретников был убежден, что композиторы должны писать только музыку, и считал для себя совершенно невозможным сочинять что-либо «прозоподобное». Но проза у него получилась яркая. По словам автора, «разнообразнейшие люди, с которыми приходилось общаться, и события, в которых приходилось участвовать, показались мне чрезвычайно интересными, важными и даже необходимыми для феноменологии времени. Каким-то образом я запоминал детали происходившего и все, что говорилось». Среди героев книги композитор и педагог В. Шербалин, у которого Н. Каретников начал учиться в 12 лет. Суровый педагог, крайне скупой на похвалы и очень язвительный в отрицательных оценках, сразу заявил начинающему музыканту: «Видишь ли, я обязан тебя кое о чем предупредить. Сейчас ты будешь заниматься со мной в ЦМШ, потом, даст Бог, в консерватории, и все будет хорошо и спокойно. Но когда мы расстанемся и ты, оставшись один, захочешь писать музыку так, как ты сам считаешь нужным, я повторяю — так, как ты *сам* считаешь нужным, то ты должен быть готов к тому, что тебя будут упорно и жестоко бить. Поэтому я еще раз спрашиваю: ты не боишься?» «Били» часто... Почтительно-дружеские отношения связывали автора воспоминаний с искусствоведом и художником А. Габричев-

ским. Близким другом автора был поэт и драматург А. Галич. Каретникову казалось, что его собственное присутствие — на своей машине он возил поэта по различным московским домам, где тот давал концерты — как-то оградит Галича от возможных несчастий. Духовным руководителем композитора стал отец Александр Мень и оставался им до своей трагической гибели. Он крестил жену Каретникова, венчал его с ней, крестил их детей, подсказал тему для сочинения о ранних христианах — сюжет о пребывании апостола Павла в Риме. Крестил Мень и Галича. «Как и отец Александр Мень, Галич был одним из немногих, кто напоминал мне удивительных русских интеллигентов, которые генерировали в начале столетия и относились к так называемому русскому Серебряному веку». Среди героев книги Г. Нейгауз, И. Пырьев, Д. Шостакович, А. Сахаров и многие, многие другие. Автор вспоминает забавные случаи из своего детства и встречи, которые подарила ему жизнь: с режиссером Ф. Феллини, с итальянским композитором Л. Ноно, с английским дирижером М. Сарджендом, с канадским пианистом Г. Гульдом. Именно встреча с Гульдом в 1957 году, исполнявшим сочинения Шёнберга и Берга, сделала Каретникова убежденным последователем «Новой венской школы». Много парадоксального сказано о музыке, о композиторах прошлого и современности. Самое сильное в своей жизни потрясение музыкой он испытал в шестнадцать лет, когда услышал Вагнера. «А должен был услышать, наверное, в одиннадцать или двенадцать. Запрещенного у нас в послевоенные годы Малера следовало бы услышать в пятнадцать, а не в двадцать три года, а „Новую Венскую школу“ хотя бы в восемнадцать, а не в двадцать семь. У моего поколения украли восемь — девять лет жизни, важнейших в развитии человека, и эти потери никому и никогда не возместить». В своей книге он размышляет и о музыке в кинофильме, и принципиально новой возможности организации всемирных концертов классической музыки. Отдельная тема: чиновники и музыканты. Из диалога худрука Театра имени Пушкина Б. Равенских и Каретникова: «Но музыка! Это черт знает что! Орган ревет!! Никакой мелодии!! — В том, что вы сейчас слушали, ни одной моей ноты не было! Э-то Бах!!» Министр культуры Е. Фурцева в Большом театре на приемке балета Каретникова «Геологи» с требованием переодеть героиню в юбочку. Разногласия на худсовете «Ленфильма» при принятии решения о производстве фильма-балета Каретникова «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер»: «Вы хотите снять антисоветский балет! — Но Гофман написал свою сказку в 1819 году!» В воспоминаниях немало и курьезных историй, что сопровождали обсуждения судеб конкретных произведений Каретникова, и ситуаций парадоксальных. «Читаю письма Б. Л. Пастернака к З. Н. Нейгауз и часто наталкиваюсь на фразы приблизительно такого смысла: „Ах! Что мы делаем!.. За спиной этого великого человека!.. Надо признаться!.. Надо прекратить ложь!.. Все это так ужасно“ и т. п. Спрашиваю А. Г. Габричевского о том, как прореагировал Генрих Густавович на уход Зинаиды Николаевны к Пастернаку. Александр Георгиевич ответил: В один прекрасный день в эту квартиру ворвался Гарри. Он прыгал по комнате, как кузнецик, ударял в ладоши и восклицал: „Избавился! Избавился! Избавился!!!“» Короткие автобиографические новеллы, зарисовки, забавные и драматические эпизоды, парадоксальные реакции и высказывания собеседников отражают время и времена. Предания о долголетней вендетте начала XX века в Коктебеле между соседями: Волошиными и бабушкой автора, оперной певицей строгих нравов. И личные впечатления и наблюдения. Ярчайшее: время доносов и стукачей. Из записных книжек И. Ильфа: «А в Союзе композиторов композиторы пишут друг на друга доносы на нотной бумаге...», У Каретникова: «1952 год. По консерваторскому коридору идет студент (ныне достаточно известный композитор) и несет в руках две партитуры Стравинского. Эти партитуры видит другой студент (ныне очень известный композитор). Он немедленно бежит в партбюро

и докладывает: „Там по коридору идет такой-то и у него в руках ноты Стравинского!“» Похороны Пастернака и Зощенко. Визит в Манеж сильно взнервленного главы государства. Попытки вербовок Каретникова в осведомители. Времена и люди глазами человека, умеющего с юмором взглянуть на драматичные ситуации, увидеть комизм в повседневном. Вошедшие в сборник «Темы с вариациями» (1990) и «Готовность к бытию» (1992) издавались тридцать лет назад, но до сих пор не утратили ни живости, ни актуальности. В сборнике множество фотографий из архива композитора.

Юлия Хомякова. Выйти из учительской. Отечественные экранизации детской литературы в контексте кинопроцесса 1968–1985 годов. СПб.: Нестор-История, 2019. – 208 с.

Киновед Юлия Хомякова исследует взлет и падение советского киноискусства для подрастающего поколения. А взлет был. Детское кино и, в особенности, киносказки — золотой фонд советского времени. За счет этих фильмов в постсоветские годы выжила Центральная студия детских и юношеских фильмов им. Горького, продавая свои фильмы на ТВ и за границу. Фильм «Морозко» (А. Роу, 1965) в Чехословакии (а до нынешнего времени и в постсоциалистических Чехии и Словакии) — «культовая» новогодняя картина. Фильмы Птушко пристально изучали за океаном. Несмотря на ограниченность финансовых ресурсов, наши киносказочники по зрелищности и культуре фильмопроизводства порой даже превосходили Голливуд. До сих пор в эфире (в том числе в рекламе) звучат песни из советских детских мюзиклов. За четверть века ни один постсоветский детский фильм не может похвастаться такой судьбой. Ю. Хомякова исследует период 1968–1985 годов, особенность которого — увеличение экранизаций литературных произведений в советском кино. Детская литература советского периода была богатой, разнообразной и общедоступной. Опытные советские постановщики превращали литературные тексты в кинокартины самых разных жанров: от волшебной сказки до мюзикла, от научно-фантастического приключенческого фильма до «школьных» фильмов и социально-психологической драмы. Ю. Хомякова рассматривает конкретные детские и подростковые кинофильмы во всем многообразии жанров, обращается к судьбам режиссеров и актеров. Прослеживается не только эволюция жанров, но и стиля киноклассики. Так, у советских детей постепенно сформировалась потребность в более разнообразном языке киносказки, и авторы новых киносказок делали упор не на спецэффекты, а на музыку и песни, на остроумный диалог, на мастерскую работу с детьми-актерами. Формированию нового стиля советской киносказки положил фильм Р. Быкова «Айболит-66». Обращается внимание на связанные с внешней и внутренней политикой, официальной идеологией и общественными настроениями оттенки и смыслы, заложенные в фильмах. Так, в финале Буратино не мог отправиться со своей командой кукол в счастливую страну, что «далеко-далеко за морем» — намек на эмиграцию! И вся труппа во главе с Буратино оказывается на сцене театра à la ТЮЗ. Глупых или, как минимум, наивных царей в киносказках сменили новые образы, например мудрый киевский князь Владимир. Смена акцентов, полагает автор, связана со всеобщей геронтологией в ЦК и высших эшелонах власти. Исследуемый период автор подразделяет на послеоттепельный — время подъема — и предпрестроечный, когда со второй половины 70-х годов началось постепенная деградация советского кино. И именно в 70–80-е годы начался рост потребительских настроений у детей, в обществе нарастало расхождение официальных и реальных ценностей, в частной и общественной жизни воцарилась двойная мораль. Но яркие фильмы продолжали выходить. Тема личность-социум, дети-родители, дети-учителя приобретала

звучание. Событием стал фильм «Чучело» Р. Быкова, посвященный детской жестокости. Рассмотрены в книге и экономические, финансовые и правовые основы детского кинопроизводства, финансовое положение творцов и артистов, идеологическая составляющая. Для советского государства детское кино было неким «развлекательно-поучающим» приложением к всеобщему обязательному образованию. Герои, способные в одиночку бросить вызов враждебному окружению, в советском детском кино не культивировались. Гораздо важнее считались честность, верность дружбе, пионерской клятве и, конечно, Родине. Сказки знакомили детей с уходящим бытом деревни, что такое лапти и сапоги, сани и телега, ухват и заслонка, веретено и прялка, городские дети уже не знали. Советские картины стояли на защите хрупкого детства. От сказок (в том числе литературных) требовалось внятно выраженное нравственно-воспитательное содержание, отсутствие чрезмерно устрашающих сцен, которые могли бы навредить детской психике. А посему «лучшая Баба Яга Советского Союза» Г. Милляр олицетворял психическое здоровье советской киносказки: созданные им образы нечисти не могли по-настоящему напугать даже малыша. Автор предлагает сравнить сказки былых времен с современными киносказками в 3D. Бесследно ли для современных детей проходит аудиовизуальная агрессия, всевозможные ужастики, компьютерные «стрелялки», «взрывалки» и «мочилки»? Перед советским кинематографом ставилась задача подготовить детей к реальным жизненным трудностям, а не фантастическим. Удалось ли? Работой с детским зрителем занимались и Госкино, и общественная организация — Союз кинематографистов. И в детском садике, и в школе практиковались культпоходы в кино, кинопрограммы заказывались для пионерских лагерей, санаториев, домов отдыха, дворцов пионеров. Советская детская кинематография не была доходной, для детского отечественного кинематографа переход к рыночной к экономике стал катастрофой. Властителей 90-х годов XX века детское кино не интересовало. Важны были обучение и стажировка своих детей за границей, их доступ в «элитный» клуб, а вовсе не подготовка будущих граждан своей страны, стремящихся к ее процветанию. Ю. Хомякова уверена, что для нормального функционирования кинопроизводства и кинопоказа нужна единая государственная политика — идеологическая и социально-экономическая. Выражает сожаление, что опыт советских лет практически забыт, что среди нынешних авторов и продюсеров много людей непрофессиональных и некомпетентных. В задачи автора не входил анализ и обзор постперестроечных фильмов. Но она не смогла обойти двусмысленности в ряде современности фильмов. И делает вывод, что фильм «Вий» (2014, О. Степченко) стимулировал трагические события на Украине. Критически относится к фильму «Последний богатырь» (2017, Д. Дьяченко), где подмена понятий идет на уровне знаков и слов. Зачем злодеем и погубителем Ильи Муромца сделали Добрыню, чье имя происходит от корня Добро? Ю. Хомякова отмечает, что сегодня неудачных новых фильмов для детей больше, чем удачных; что не все хорошие фильмы попадают в прокат; что наши дети привыкли к потреблению зарубежного кинотелеконтента. В конечном итоге мы должны знать, что хотим воспитать в наших детях. Кто нам нужен: человек или киборг? И обращается к опыту советского кинематографа. Ведь влияние кинематографа на детей несомненно.

Марианна Андрейчева. Образы иноверцев в Повести временных лет.

СПб.: Нестор-История, 2019. — 184 с.

Марианна Андрейчева в широком историко-культурном и религиозном контексте рассматривает представления древнерусских книжников об иноверцах (славянских и тюркских язычниках, мусульманах, католиках и иудеях), отразившиеся в первом до-

шедшим до нас древнерусском сочинении о начальных веках истории Руси, созданном спустя столетие после ее крещения — в «Повести временных лет». Выявляет смыслы, которые вкладывал летописец в свой текст, оценивает степень реалистичности представленных в нем данных. В центре внимания следующие сюжеты: судьбы славянства (преимущественно — восточного) от расселения сыновей Ноя до основания Киева тремя братьями-полями и истории о хазарской дани; образ идола Перуна и его «изгнание»; выбор веры Владимиром; эсхатологические ожидания автора. По каждому исследуемому вопросу М. Андрейчева приводит весь спектр мнений, существующий в отечественной науке, и тщательно рассматривает источники, на которые опирался летописец. Это и «Хроники» Георгия Амартола, византийского монаха, изложившего всемирную историю от сотворения мира до 842 года, и «Диалоги» Псевдо-Кесария, греческого автора середины VI века, и «Александрия», эллинистический литературный памятник II—III веков. А также книга пророка Иеремии, «Деяния св. апостолов Андрея и Матфея», жития знаменитых крымских святых — Стефана Сурожского и Климента Римского и первых херсонесских святителей, епископов Евгения, Агафодора и Елпидия. Именно оттуда древнерусский грамотей-летописец мог почерпнуть сведения, оттуда заимствовал композиционные идеи и прообразы, эти источники помогали ему выстроить сложные аналогии, породили богатые ассоциации. Например, он проводит аналогию между обычаями восточнославянских племен и половцев и диковинными порядками народов «Хроники» Амартола. Так, рассказ Амартола о «блудных вылазках» амазонок имеет схожие черты с описанием «бесовских игрищ» радимичей, вятичей, северян и кривичей. В «этнографическом» описании восточных славян в космографическом введении «Повести временных лет» «кроткие и тихие» поляне противопоставляются «скотьски», «зверинским образом» живущим древлянам и прочим восточнославянским племенам не случайно. Летописцу важно было с помощью «этнографического» описания обозначить полян как богоизбранное племя, которое, будучи языческим, обладало чертами, позволившими ему в конечном итоге воспринять и усвоить христианство. Полянам в летописи отводилась ключевая роль не только в христианизации восточных славян, но и в формировании древнерусского этноса. А откуда появился образ Перуна, следы которого исследователи ищут в фольклоре славян и их соседей? «И Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ». Быть может, подсказка найдется в книге пророка Иеремии? «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся. Ибо уставы народов — пустота: вырубают дерево в лесу, обделывают его руками плотника при помощи топора, покрывают серебром и золотом, прикрепляют гвоздями и молотом, чтобы не шаталось. Они — как обточенный столп, и не говорят; их носят, потому что ходить не могут. Не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах». В данном фрагменте, указывает автор, присутствует не только перечисление тех материалов, из которых якобы был сделан кумир Перуна, но и описывается техника изготовления подобного рода болванов. А что общего у Зевса и Перуна? И можно ли говорить о внешнем сходстве Перуна с самим князем Владимиром? Опираясь на возможные источники, использованные автором летописи, в том числе ветхозаветные тексты, М. Андрейчева дает многоплановое истолкование сюжета о Перуне. В историографии утвердилось мнение, что в летописи описываются реальные события, связанные с изгнанием Перуна, но, считает Андрейчева, «изгнание Перуна» имеет и символический подтекст, нуждающийся в расшифровке и истолковании. По мнению исследователей, Перун покидал Киев и Русскую землю в соответствии с многовековой языческой традицией. Но летописный текст наполнен скрытыми цитатами, парафразами и реминисценциями. Казнь через волочение неоднократно встречается в житиях и византийских

святых, херсонесских епископов, волочению и избиению подвергались и сурожский святитель Стефан, и апостол Андрей. В основу сообщения об изгнании Перуна, считает автор, легли не фольклорные мотивы, а литературные образы. По замыслу летописца, поругание Перуна являлось триумфом христианства над языческим «беснованием» и представляло собой символическую акцию, в которой каждое действие должно было совершаться по образу тех мучений, что некогда претерпели от рук язычников и еретиков знаменитые крымские святые. При обращении к письменным источникам, используемым летописцем, нестандартные трактовки получает и сказание об испытании веры, о выборе веры, сделанном князем Владимиром. Глубинные символические смыслы, которые летописец закладывал в свой текст, далеки от банальных представлений. Так, Владимира привлекла при выборе веры не внешняя пышность византийского богослужебного обряда. Не внешней обрядовостью, но внутренним, духовным содержанием византийское богослужение победило римско-католическое. Языческие черты в исламе и иудаизме оттолкнули русичей от этих религий. И избитую фразу «питие как веселии Руси» автор истолковывает как выбор Владимиром Хлеба и Вина Евхаристии — «истинной пищи и пития» для христиан. В заключение автор анализирует эсхатологические ожидания летописца, пытающегося определить место и роль Руси и ее соседей в настоящих и будущих событиях «последних времен». Предложенная М. Андрейчевой интерпретация древнего текста дает возможность соприкоснуться с богатейшим духовным и интеллектуальным миром наших далеких предков.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)